

Дарья Димке

Юные коммунары,
или Крестовый поход детей:
между утопией декларируемой
и утопией реальной

Введение: утопия и диглоссия

Советское социальное пространство обладало одним удивительным свойством — если утопическая идеология прикрывала вполне «приземленные», часто циничные по своему духу социальные практики, то в мире, скрепленном этими социальными практиками, оставалась возможность реализации утопического проекта. Утопия, провозглашенная, хотя и не осуществленная, на протяжении многих десятилетий все же продолжала казаться многим советским людям все же воплотимой, но при других обстоятельствах или другом руководстве страны. Если утопическая идеология прикрывала вполне «приземленные», часто циничные по своему духу социальные практики, то в мире, скрепленном этими социальными практиками, оставалась возможность реализации утопического проекта. Но реализовать его пытались обычно на уровне не целого государства, а локальных сообществ. К разным вариантам таких «местных» утопий относятся крестьянские коммуны 1920-х годов¹, педагогические коммуны А. Макаренко и С. Шацицкого и Коммуна юных фрунзенцев, организованная в Ленинграде в 1959 году и давшая начало так называемому коммунарскому движению.

Случаи реального воплощения утопии в советских условиях, как правило, заканчивались конфликтом. Семиотическая структура этого

¹ Дюран Д. Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России / Пер. и ред. И.В. Утехина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010.

конфликта чрезвычайно важна, поскольку помогает нам увидеть специфику и советского жизненного мира в целом, и этих утопических воплощений в частности. Разломы обнажают сущность социального порядка и позволяют различить те узлы смыслов и практик, которые их скрепляют. Об одном из таких разломов, который дает увидеть и особенности советской школы, и специфику поведения школьников, так или иначе соприкоснувшихся с утопическими сообществами, и пойдет речь.

Как заметил в своей статье «Проект “шестидесятников”: движение протеста в СССР»² Виктор Воронков, публичная и приватная сферы в Советском Союзе подчинялись взаимоисключающим нормам. При этом общество признавало легитимными нормы обоих типов. Каждый советский человек принадлежал «как бы к двум пространствам одновременно, хорошо понимал границу между ними и не путал правил, принципиально различавшихся в этих сферах»³.

Советское общество функционировало по принципу своеобразной идеологической диглоссии. «Диглоссия» — лингвистический термин, введенный Чарльзом Фергюсоном⁴ и использованный Борисом Успенским для описания языковой ситуации Киевской и Московской Руси⁵.

При диглоссии два языка связаны отношениями функциональной дистрибуции. Иначе говоря, человек, живущий в ситуации диглоссии, обращается к разным языкам в разных ситуациях, однако при этом полагает, что пользуется одним и тем же языком. Так, значения, относившиеся к сфере сакрального, могли быть выражены только на церковнославянском языке. В ситуации диглоссии использование русского языка в этой сфере было просто невозможно.

² Воронков В.М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168—200. Одним из первых описал это «переклечение» из одного порядка в другой писатель А. Яшин в рассказе «Рычаги» (1956).

³ Там же. С. 195.

⁴ Ferguson C.A. Diglossia // Word. 1959. Vol. 15. P. 325—340. Русский пер.: Фергюсон Ч. Диглоссия / Пер. с англ. Н.Б. Вахтина // Социоллингвистика и социология языка / Ред. Н.Б. Вахтин, сост. Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин и др. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 43—62.

⁵ См., например: Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002.

Соотношение двух языков в диглоссии напоминает соотношение функциональных стилей в рамках одного языка, но предполагает более жесткую дистрибуцию социальных и культурных норм. Диглоссия не осознается ее носителями: если между функциональными стилями можно выбирать — носитель понимает, что любая ситуация может быть описана разными стилями (в частности, на этом строится механизм пародийного острания), — то внутри диглоссии выбор невозможен: разные языки жестко «закреплены» за разными сферами.

Эта модель восприятия, если ее использовать в качестве метафоры, хорошо описывает специфику советской социальной реальности 1960—1970-х годов. Высокие идеалы при обсуждении в официальной печати, на партийных и комсомольских собраниях всех уровней и поведение людей в реальной жизни не имели между собой ничего общего — но, как предполагалось, и не должны были соответствовать друг другу. Глубокая пропасть, функциональное несовпадение и даже противоречие между словами как частью публичного ритуала и поступками в личной повседневной жизни никого не удивляли: для большинства советских граждан это были явления разных планов, которые сосуществовали не пересекаясь.

Метафора диглоссии, в отличие от привычной концепции «советского двоемыслия», кажется более удачной по двум причинам. Во-первых, она не несет негативной окраски, что позволяет рассматривать повседневное сознание и практики советских людей без публицистического пафоса, при котором советское общество определяется как основанное на «социальной шизофрении» или на «тотальной лжи». Во-вторых, эта метафора позволяет объяснить специфику конфликта между утопическими сообществами и советским обществом в целом.

Диглоссию жители СССР начинали осваивать с самого раннего детства. Пионерская организация и школа успешно справлялись с задачей социализировать ребенка в советском обществе. Пионерская организация не только осуществляла массовую индоктринацию, но и приучала к советским ритуалам, в результате чего переключение с частного языка на публичный переставало осознаваться ребенком как таковое.

Однако освоение диглоссии было затруднено в том случае, если ребенок или подросток становился членом альтернативной системы социализации. Одна из таких систем возникла в начале 1960-х годов,

просуществовала до краха советского строя и (в разных формах) продолжает воспроизводиться сегодня. Речь идет о коммунарском движении, изначально основанном на измененном использовании советского публичного языка.

Значение и место коммунарского движения в социальной истории советского общества обусловлено тем, что в 1960—1980-е годы с ним так или иначе соприкоснулись тысячи советских людей — как подростков, так и взрослых. Тем не менее само это движение изучено очень слабо.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов, отчасти благодаря образовательным реформам⁶, отчасти благодаря социальному климату, который принято определять через метафору «оттепели», в Советском Союзе начали складываться воспитательные системы, параллельные государственным⁷. У советских детей и подростков появилась возможность альтернативной социализации. Если кратко резюмировать основные структурные отличия этих систем от официальной (пионерско-комсомольской), то они состояли в следующем:

- членство в этих объединениях было необязательным, в отличие от практически обязательного членства в пионерской организации;
- они не были связаны со школьными классами (напомним, что, по сути, пионерский отряд в 1950-е годы равнялся школьному классу);
- формы общения и контроля в подобных объединениях сильно отличались от пионерских;
- руководители таких объединений часто не были профессионально связаны с официальной педагогической системой, то есть не имели

⁶ Подробнее об этих законодательных изменениях и их роли в появлении новой воспитательной системы см.: *Димке Д.В.* Возникновение разномыслия в советской педагогике конца 1950-х — начала 1960-х годов как результат изменения советской законодательной системы // Разномыслие в СССР и России (1945—2008): Сб. мат-лов науч. конф. 15—16 мая 2009 года / Под ред. Б.М. Фирсова. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 238—259.

⁷ В качестве воспитательной системы эта система была параллельна государственной, поскольку выбирать между ними советский школьник не мог. Однако в качестве системы социализации она была именно альтернативной, поскольку нормы и ценности, которые внутри нее осваивали советские дети и подростки, достаточно сложным образом (о чем речь пойдет ниже) соотносились с теми, что осваивались школьниками внутри официальной пионерско-комсомольской системы.

специального образования и до этого не работали в официальных педагогически-образовательных институциях; руководство таким детским объединением было своего рода хобби.

Вступая в пионеры, советский школьник проникался чувством принадлежности к огромной безликой корпорации, включение в которую фактически было аналогом перехода в новый возрастной класс. Когда ребенок или подросток становился частью альтернативной системы социализации, это воздействовало на него совершенно иначе — часто такой опыт переживался как избранничество.

Руководители ряда таких объединений верили в советский проект, то есть хотели осуществить утопию, лежащую в его основе. В этих случаях и сами педагоги, и подростки, участвовавшие в их начинаниях, стремились изменить жизнь школы и пионерской организации, руководствуясь своими представлениями о жизни *в соответствии с официально провозглашаемыми этическими нормами*. Они не учитывали и не хотели учитывать, что эти нормы были частью системы, существовавшей по принципу диглоссии, то есть не могли быть «переведены» в сферу повседневности.

Если ребенок социализировался внутри альтернативной системы, он усваивал утопические ценности, которые достаточно быстро становились преобладающими и начинали определять модель его поведения в целом. Внутри этой системы он не видел «двойных стандартов», по которым функционировало советское общество. Но даже если пионер становился членом этой системы довольно поздно, он вскоре начинал воспринимать «несоответствия» между риторикой и реальностью, которые он видел в школе или дома, не как вариант нормального функционирования системы, но как временные трудности, с которыми следует бороться.

Конфликты и столкновения, порожденные этими расхождениями в восприятии советских норм, обсуждаются в этой статье на примере Коммуны юных фрунзенцев, организованной в Ленинграде в 1959 году. В ней была разработана особая, «коммунальская» воспитательная технология. Эта группа стала одним из центров, в которых была реализована «шестидесятническая» педагогическая утопия.

Основным материалом для статьи послужили биографические интервью с коммунарами. По мере необходимости привлекались данные из государственных и личных архивов, опубликованных мемуаров и — с оговорками — детской и взрослой художественной литературы и кинематографа. Значимым источником является кандидатская диссертация М.Г. Казакиной «Формирование нравственных идеалов у подростков в процессе общественной деятельности», защищенная в 1967 году: она написана на материале исследований коммунарского движения (главным образом, Коммуны юных фрунзенцев). В приложении к ней помещены полевые материалы: ответы членов Коммуны на анкеты, которые они придумывали сами, отрывки из коммунарских дневников, писем и сочинений, песни, сочиненные коммунарами, и т.д.

Коммуна юных фрунзенцев: советское утопическое сообщество

В этом разделе мы остановимся на тех особенностях, которые отличали Коммуну юных фрунзенцев как часть альтернативной системы социализации от официальной — пионерско-комсомольской. Эти особенности задавали структуру жизненного мира, в котором жили коммунары. А жизненный мир, в свою очередь, особым образом соотносился с пространством советской диглоссии.

С формальной точки зрения Коммуна была сводной пионерской дружиной — в нее входили отряды, составленные из представителей разных школ. Ее создатели и руководители — И.П. Иванов, Ф.Я. Шапиро и Л.Г. Кузнецова — хотели опробовать новые технологии работы с детьми.

Появление Коммуны было обусловлено несколькими причинами.

После школьной реформы 1958 года изменилась организация пионерской работы. Согласно новым нормативам, все школы должны были быть разделены на восьми- и одиннадцатилетние. Поскольку в одиннадцатилетних школах обязанности пионервожатых — в качестве «комсомольской нагрузки» — выполняли старшеклассники, эти школы после преобразования в восьмилетние стали испытывать трудности.

Нужно было организовывать или реформировать систему подготовки пионерского актива, участникам которого предстояло заменить в школе комсомольцев.

В 1959 году на городских комитетах и районных конференциях сначала появились предложения «смелее решать вопрос о руководстве пионерами первой и второй ступени пионерами третьей ступени, то есть осуществлять принцип руководства старшими младших»⁸. Чуть позже зазвучали требования «улучшить подбор и обучение пионерских кадров»⁹. Кроме того, ленинградские райкомы настаивали на том, что необходима «большая самостоятельность комсомольских организаций»¹⁰.

Все эти призывы были частью более общего контекста — попыток немного усилить «сверху», путем административных реформ, элементы «настоящего» самоуправления подростков в ленинградских школах. Еще в 1957 году в городе были организованы районные Советы пионерской организации имени В.И. Ленина (РСПО). Однако их работа не давала видимых результатов.

Весной 1959 года при Фрунзенском РСПО была создана Коммуна юных фрунзенцев (КЮФ). Название Коммуна было предложено Игорем Петровичем Ивановым на первом весеннем коммунарском сборе 24 марта 1959 года и одобрено будущими коммунарами: «...К последне-

⁸ Здесь и далее цитируются материалы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД). Чит.: Стенограмма отчетного пленума городского комитета ВЛКСМ по вопросам: 1. Об участии комсомольских организаций города в выполнении закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования». 2. Организационные вопросы. 7 апреля 1959 года // ЦГАИПД. Ф. К—881. Оп. 13. Д. 7. Л. 76 (97).

⁹ Материалы общего сектора. Стенограмма XVI Кировской районной конференции ВЛКСМ г. и материалы к ней (второй день). 15 ноября 1959 года // ЦГАИПД. Ф. К—4. Оп. 8. Д. 77. Л. 85.

¹⁰ В 1959 году на городской комсомольской конференции один из работников райкома заявил: «Райкомы ВЛКСМ должны позаботиться о предоставлении школьным комсомольским организациям большей самостоятельности, чем они имеют сейчас из-за чрезмерной опеки со стороны преподавателей и директоров школ» (Стенографический отчет XIV городской конференции ВЛКСМ. 11—12 декабря 1959 года // ЦГАИПД. Ф. К—881. Оп. 13. Д. 1. Л. 35 (38)).

му дню лагерного сбора наша сводная дружина имела уже свое название, принятое по нашему предложению <...> и одобренное всеми отрядами... В этом названии выражалась и преемственность наших традиций, идущих от школ-коммун 20-х годов, в особенности, от [организованной А.С. Макаренко] Коммуны имени Дзержинского, и наша главная мечта, ведущая идея нашей жизни [— коммунизм]»¹¹.

На отчетном пленуме городского комитета ВЛКСМ этого же года заведующий отделом школ Фрунзенского РК ВЛКСМ расшифровал другое — не историческое, а административное — значение слова «коммуна» и пояснил, каковы цели новой организации: «...Мы в весенние каникулы организовали в районе КЮФ, проще говоря, начали школу пионерского актива. Мы попробовали в этой коммуне руководство старших пионеров младшими. И надо сказать, что это себя вполне оправдало. У себя в школах мы этот принцип будем осуществлять»¹².

Согласно декларации XVII районной конференции райкома ВЛКСМ, Коммуна должна была стать «...настоящим авангардом районной пионерской организации и показывать всем пионерам наглядный пример того, как должны жить и работать каждое пионерское звено, отряд, дружина»¹³. На этой же конференции было решено, что «...Коммуна доказала свою жизнеспособность во время весенних и осенних лагерных сборов»¹⁴.

Комсомольское начальство сочло эксперимент удачным и вплоть до 1963 года не предъявляло никаких претензий к тому, как в Коммуне обучали пионерский актив¹⁵.

¹¹ *Иванов И.П.* Творческое содружество поколений как условие воспитания юных общественников. Дис. ... докт. пед. наук. Л.: АГПУ им. Герцена, 1972. С. 361.

¹² Стенограмма отчетного пленума городского комитета ВЛКСМ по вопросам... 7 апреля 1959 года. Л. 76 (97).

¹³ Фрунзенский район ВЛКСМ г. Ленинграда. Материалы общего сектора. Стенограмма XVII районной конференции Райкома ВЛКСМ и материалы к ней, 14 ноября 1959 года // Ф. К—121. Оп. 12. Д. 7. Л. 153 (23).

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Хорошо организована работа по обучению пионерского актива: в зимние, весенние и летние каникулы проводятся лагерные сборы звеньевых, председателей советов дружин, отрядных вожатых» (Стенограмма XIX Фрунзенской отчетно-выборной рай-

Первоначально спектр деятельности Коммуны более или менее совпадал с общепринятыми представлениями о пионерской «общественной активности»: помощь старикам и «подшефным», забота о благоустройстве школьных и городских территорий и т.д. (см. илл. 1). Однако формы работы и специфика внутренних взаимоотношений в Коммуне с самого начала сильно отличались от пионерских — и это было следствием того, что И.П. Иванов строил деятельность Коммуны на достаточно необычных для СССР принципах.

Различия в статусе взрослых и детей в Коммуне минимизировались: внутри Коммуны все были прежде всего ее членами. Все взрослые, так или иначе связанные с Коммуной, назывались «друзьями» («друг Коммуны», «друг отряда»). Они составляли в Коммуне отдельный отряд — штаб Коммуны, который коммунары называли «Ревком». Полулегендарная история происхождения этого названия такова:

На одном из сборов штаб совещался на чердаке. Там были стол и кровать, покрытые красным ситцем (за неимением другого материала). И вот однажды какой-то мальчишка, впервые попавший на чердак, с изумлением сказал: «У вас тут как в ревкоме...» К утру кто-то неизвестный вывел на чердачной двери красной краской: «Ревком». Так это слово и осталось за штабом коммуны¹⁶.

В «Ревком» входили люди самого разного возраста и профессий, однако среди них было сравнительно мало профессиональных педагогов и пионервожатых. Отметим, что само выбранное название — «Ревком» — тоже ассоциировалось с сакральным для 60-х годов временем Гражданской войны.

Коммунары вообще очень охотно использовали названия, так или иначе связанные с войной и, в частности, с эпохой Гражданской: «операция» вместо официального «мероприятие», «командиры», «комиссары» и «ветераны» Коммуны. Девизом Коммуны стал при-

онной комсомольской конференции и материалы к ней. 19 января 1963 г. // ЦГАИПД. Ф. К—121. Оп. 14. Д. 4. Л. 103 (3)).

¹⁶ Фрунзенская коммуна. Книга о необычной жизни обыкновенных ребят, написанная ими самими / Сост. С. Соловейчик, М.С. Неймарк. М.: Дет. лит.-ра, 1969. С. 41—42.

Илл. 1. Коммунары на одной из городских строек

зыв, которым М.В. Фрунзе завершал свои приказы: «Смело и бодро вперед! Победа во что бы то ни стало!»¹⁷ Коммуна состояла из коммунаров и членов Коммуны. Далеко не все члены Коммуны (как взрослые, так и дети) удостоивались звания «коммунар». Решение о том, кто будет коммунаром, а кто нет, принимали сами коммунары. При этом школьная успеваемость или поведение, как и мнение взрослых (друзей Коммуны и членов «Ревкома»), никакой особой роли не играли. Еще меньше значили позиции учителей и пионервожатых, не являвшихся членами Коммуны.

Решение принималось общим открытым голосованием. Чтобы стать коммунаром, нужно было съездить на несколько сборов Коммуны (один

¹⁷ Девиз был принят на первом сборе Коммуны: «...после тщательного обсуждения предложений отрядов <...> [приняли] в качестве девиза КЮФ слова... которыми замечательный советский полководец заканчивал свои боевые призывы... (мы перечитали, готовясь к конкурсу, все эти приказы...)» (Иванов И.П. Творческое содружество поколений... С. 361).

из них обязательно должен был быть летним), отличаться в собственно коммунарских делах (о них подробнее будет сказано ниже) и тем самым доказать, что ты достоин этого звания.

Мало было удовлетворять формальным признакам, как это было в случае членства в пионерской организации. Статус коммунара нужно было постоянно *подтверждать* — участием в сборах и в той общественной работе, которая протекала между школьными каникулами. Вопрос о том, соответствует ли поведение того или иного человека (взрослого или ребенка) званию коммунара, поднимался на каждом сборе.

Из коммунаров могли исключить, то есть лишить звания, а из Коммуны — выгнать¹⁸. Это касалось всех членов Коммуны, как детей, так и взрослых. Так, из Коммуны исключили одного из ее основателей — И.П. Иванова.

Лишения коммунарского звания и исключения из Коммуны случались не слишком часто, однако все же чаще, чем исключение из пионеров. Из пионеров не исключали практически никогда. Чтобы школьника действительно исключили из пионеров, он должен был совершить какой-то экстраординарный поступок. Как, например, в фильме Александра Митты и Алексея Салтыкова «Друг мой, Колька!» (1961, по пьесе А. Хмелика), где из пионеров исключают мальчика, подозреваемого в соучастии в краже. В фильме этот ритуал изображен как гражданская казнь.

Из коммунаров исключали, если человек не соответствовал «Требованиям к коммунару» — к примеру, не улучшал по мере сил пионерскую работу в школе. Исключали и за нарушение общих законов Коммуны — например, за курение. Нарушение общих законов рассматривалось коммунарами как оскорбление, потому что человек лицемерил, а лицемерие (так же как формальность и фальшь) было для коммунаров одним из самых больших «грехов». Заметим, что одной из причин исключения И.П. Иванова из Коммуны стала именно его «неискренность» с коммунарами, поскольку, как выяснилось, Коммуна для Иванова была «педагогическим экспериментом». Такое поведение было воспринято

¹⁸ Заметим, что лишение звания далеко не всегда влекло за собой исключение из Коммуны. Если коммунара лишали звания, но не исключали из Коммуны, он оставался ее членом.

как «ложь» и «предательство», поскольку коммунарам казалось, что, с учетом этой позиции, все, что они делали, лишалось ценности, превращаясь всего лишь в подтверждение эффективности определенной педагогической методики.

Таким образом, если исключение из пионеров означало «ненормальность», то исключение из коммунаров, наоборот, подчеркивало «нормальность». Статус «коммунар» был исключительным, статус «пионер» — самоочевидным.

Основной формой существования Коммуны были сборы, главным из которых был летний. Именно на летних сборах, проходивших вне привычной обстановки и связей, коммунары получали возможность жить так, как им казалось правильным. На сборах они осваивали предложенные и придумывали новые формы общественной работы, которые потом должны были распространять в своих школах. Летние сборы проходили в Ефимовском районе Ленинградской области — этот район был подшефным Фрунзенского городского района, где действовала Коммуна.

Остальная деятельность Коммуны была прямо или косвенно подчинена подготовкам к сборам. Во время учебного года члены Коммуны собирались в Доме пионеров Фрунзенского района примерно раз в неделю (но собрания могли происходить и чаще, в зависимости от желания и необходимости).

Самоуправление было своеобразным ядром воспитательной системы коммунаров, ключевым элементом ее педагогической технологии. Система самоуправления в Коммуне строилась следующим образом: каждый день во время сборов отряд выбирал нового дежурного командира отряда (ДКО), а Коммуна — дежурного командира Коммуны (ДКК). Актуальные вопросы решались общим голосованием. Сначала вопрос обсуждался в отрядах¹⁹, при необходимости (например, если

¹⁹ Сначала в Коммуне было шесть отрядов («Волга», «Днепр», «Алтай», «Кавказ», «Урал», «Сибирь»), потом к ним добавились еще два («Байкал» и «Азия»). Отметим, что символика, заложенная в названия отрядов, необычна — как правило, пионерские отряды назывались по имени какого-нибудь героя (Гражданской или Великой Отечественной, литературного или реального, советского или западного), то есть название еще раз подчеркивало установку «делать жизнь с...». В случае Коммуны символика названий отрядов работала на «всемирную» важность того, что делали коммунары, — стили и формы их жизни. В этом же контексте следует воспринимать

шла речь об исключении какого-нибудь коммунара) выносился на общее собрание Коммуны. Проблемы, возникшие в течение дня, ставились и решались на отрядном «огоньке»: вечером (если это был летний сбор) коммунары собирались у костра, пели песни, а потом обсуждали прошедший день. Во время обсуждения, которое вел дежурный командир, члены отряда высказывали свои мнения о том, что в прошедшем дне было удачно, а что неудачно и как можно исправить то, что пока не получается.

Самоуправление и демократизм в Коммуне были исключительно важны: никто (в том числе взрослые) не имел права не подчиниться дежурному командиру. Все участники сбора, и дети и взрослые, бывали дежурными командирами по очереди.

Виды деятельности коммунаров, совпадая с пионерскими по форме, отличались по реализации и внутреннему отношению²⁰. Так, летние трудовые лагеря, в отличие от пионерских, коммунары организовывали без участия пионервожатых и учителей. В эти лагеря ездили школьники самого разного возраста и взрослые «друзья Коммуны», профессии которых зачастую к педагогике отношения не имели: рабочие, музыканты, инженеры, актеры.

Эти лагеря организовывались в колхозах. Обязательным компонентом участия в них была работа на полях и другая помощь жителям сел и деревень (илл. 2—6).

Сельскохозяйственный труд зачастую требовал от школьников физических усилий, однако они готовы были на них пойти, поскольку воспринимали свою работу (в отличие, к примеру, от традиционного для пионеров сбора макулатуры) как реальную помощь людям²¹.

и картину «друга Коммуны» художника Б.М. Неменского. Картина называется «Коммунарский сбор». На ней изображены ребята, которые сидят вокруг костра на зеленой поляне. Коммунарское толкование этой картины, приведенной в книге «Фрунзенская коммуна»: «На огромной горбатой поляне сидят в кругу ребята. Поляна напоминает земной шар. Коммунарское братство. Это о нас...»

²⁰ О специфических коммунарских практиках и ритуалах см.: Димке Д.В. Советские детские игры: между утопией и реальностью // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 309—333 (http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016/16_dimke.pdf).

²¹ Отметим, что работа школьников в колхозах во время летних каникул была вполне в духе времени, ее практиковали не только коммунары.

Илл. 2. Дежурные командиры получают дневные задания
для своих отрядов

Илл. 3. Палатки, в которых жили коммунары

Сборы Коммуны (особенно для школьника, который впервые в них участвовал) давали возможность временного выхода из обыденной жизни, освобождения от привычных связей и окружения — родителей, учителей, школьных пионервожатых и школьных товарищей. Участники летних трудовых лагерей вполне осознавали это. Один из информантов

Илл. 4. Один из коммунарских отрядов едет на работу

Илл. 5. Коммунары во время обеденного перерыва

Илл. 6. Занятия с деревенскими ребятами

пояснял, что такое сбор: «Лагерный сбор — это отключение от жизни, жизнь на острове. Хотя она не на острове была, но все равно — отключение от повседневных, во всяком случае, дел»²².

Первый опыт коммунарского сбора был знакомством школьников с «другой реальностью», в которой все было исполнено смысла. В этой реальности их труд был действительно необходим. Они могли решать актуальные для их общей жизни вопросы совместно со взрослыми, а повседневные мелкие заботы отступали на второй план. Эта реальность была не похожа на их школьную жизнь, быть в ней наполнялся смыслом и поэтому исчезал:

Сбор — это форма проживания жизни. Не приобретения навыков, не воспитания качеств, не приход к конечному результату, а именно форма проживания жизни. То есть, знаете, реалити-шоу, как бы сейчас сказали. Только нет некой <...> игровой условности сожительства людей, <...> нет этой публичности²³.

²² Интервью № 12 (м., 1947 г.р.).

²³ Интервью № 13 (м., 1947 г.р.).

Благодаря жизни в таком лагере словосочетание «общественно полезный труд» из пустой риторической формулы, которая обычно воспринималась с иронией, начинало обретать для школьников высокий смысл. Физический труд осознавался не как очередная бессмысленная воспитательная мера, а как значимое действие²⁴.

Одной из самых любопытных практик Коммуны был «откровенный разговор» — процедура, во время которой все присутствующие, и взрослые и дети, по очереди высказывали свое мнение друг о друге (илл. 7). Она имела регулярный характер, на ней обсуждались все члены Коммуны, вне зависимости от возраста и статуса. Участвовать в «откровенном разговоре» должны были все присутствующие на сборе. Такая процедура воспроизводила представление о сообществе единомышленников, чувствующих групповую когезию — особый род групповой сплоченности²⁵.

«Откровенный разговор» существенно отличался от внешне сходных с ним практик пионерской организации — например, «проработки» провинившихся школьников во время классного часа или «сбора отряда» (что в условиях школы было довольно близко по смыслу). Школьный класс — формальная единица, принцип объединения в который задан возрастом и местом жительства ребенка. Обсуждение инициировано взрослыми (учителем или пионервожатым) и посвящено конкретному проступку кого-либо из членов отряда.

Функция «проработки» — наказание провинившегося ученика и воспитание всех, кто при этой процедуре присутствует. Воспитательный эффект производится в этом случае запугиванием невинных и сплочением их как коллектива. Функция «откровенного разговора» — создание новой социальной идентичности и — что не

²⁴ Анализ идеологии и повседневности летних трудовых лагерей см.: Димке Д.В. Летние трудовые школьные лагеря начала шестидесятых годов как анклавы советского идеализма // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2013. Вып. 2 (22). С. 138—148.

²⁵ Подробнее о групповой когезии см.: Hogg M.A. The Social Psychology of Group Cohesiveness: From Attraction to Social Identity. N.Y.: New York University Press, 1992; Friedman N. Social Cohesion // Annu. Rev. Sociol. 2004. Vol. 30. P. 409—425.

Илл. 7. «Откровенный разговор»

менее важно — психологическое совершенствование участников этой процедуры.

Формально Коммуна функционировала по тем же принципам и преследовала те же цели, что и любой другой пионерский отряд. Однако, в отличие от большинства пионерских отрядов, в Коммуне действительно следовали (или коммунары казались, что следовали) всем декларируемым идеологиям. Поэтому коммунары выпадали из системы «советской диглоссии». Психологически в пределах Коммуны коммунары жили в другом мире, который довольно сильно отличался от остального советского общества.

КЮФ как «оттепельный» феномен

Для того чтобы перейти к особенностям интересующего нас конфликта, нужно обрисовать самоощущение коммунаров, их представление о времени, в котором им выпало жить, а также о той роли, которую

они должны были сыграть. Возможно, именно эти представления сделали неизбежными регулярные конфликты членов Коммуны и окружающих их детей и взрослых.

Когда в интервью коммунары рассказывают о своей деятельности, они всегда подчеркивают свое ощущение причастности к общему делу:

Ведь на полном серьезе ходили же — потом уже стали над собой подшучивать, но первый, второй год, самое начало шестидесятых — «Да здравствует наука, да здравствует прогресс и мудрая политика ЦК КПСС». Мы шли по улице и кричали, потому что тогда казалось, что она мудрая, потому что двадцатый съезд только прошел. Казалось, что впереди начнется, елки-палки, обещали коммунизм через двадцать лет!²⁶ (см. илл. 8. — Д.Д.)

Коммунары явно не ощущали себя сообществом, противостоящим окружающему миру, наоборот, они чувствовали себя частью общего потока и авангардом пионерской организации: «Это было романтическое время — шестидесятый год. Когда вся страна, казалось, живет по-новому. Собственно, вот в этой струе все и воспринималось»²⁷; «...мы гордились тем, что мы <коммунары> — лидеры»²⁸.

18 октября 1961 года, выступая на XXII съезде КПСС, Н.С. Хрущев обещал: «Наше поколение советских людей будет жить при коммунизме!»²⁹ Коммунары считали, что в их Коммуне он уже настал: «Коммуна — это, по-моему, комок концентрированной настоящей жизни, “кусочек коммунизма”. В ней нет очень много, что могло бы быть и что является порой страшно необходимым, но в ней есть то главное, что дает право мне и остальным называть ее Коммуной»³⁰. В одном из

²⁶ Интервью № 10 (м., прим. 1949 г.р.).

²⁷ Интервью № 15 (м., прим. 1947 г.р.).

²⁸ Интервью № 13 (м., 1947 г.р.).

²⁹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет: В 3 т. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 1. С. 257. Это же обещание, но данное уже от имени всей партии, было включено в III программу КПСС (1961).

³⁰ Казакина М.Г. Формирование нравственных идеалов у подростков в процессе общественной деятельности. Дис. ... канд. пед. наук. Ленинград: ЛГПУ им. Герцена, 1967. Приложение: Из коммунарских анкет. С. 93.

Илл. 8. Праздничное шествие коммунаров

личных писем слова «будущее» и «Коммунарск» идут через запятую: «Каждую ночь где-нибудь внизу оставалась группа ребят и тихо-тихо говорили о будущем, о Коммунарске...» (воображаемом «городе коммунаров»). А на вопрос коммунарской анкеты «Кого бы ты взял в будущее» один из участников коммунарского сбора отвечает: «...в будущее я бы взял настоящих коммунаров, насчет себя подумал бы»³¹.

Тот образ жизни, который старались воплотить коммунары, казалось, полностью соответствовал программной цели Советского государства и КПСС: приближать коммунизм. Спектр деятельности коммунаров хотя и был значительно шире официального пионерского (то есть обязательного практически для каждого советского школьника), но ни в чем ему не противоречил. Таким образом, ни на идеологическом уровне, ни на уровне практических форм деятельности оснований для противостояния коммунарского сообщества и «большого» советского общества, не говоря уже о конфликте, вроде бы не было.

Конечно, коммунары ощущали свою «избранность» и «особость». Об этом переживании упоминают практически все информанты:

³¹ Там же. С. 72.

Помню это ощущение избранности. <...> Помню, когда 24 марта — вот не такие холодные дни, как сейчас, а теплые — пальто нараспашку, [пионерский] галстук развевается, и с речовками по городу проходили. И народ, конечно, вставал на тротуарах и смотрел. Конечно, смотрели! По-видимому, совсем не с тем чувством, которое мне читалось. Мне казалось, что это производило неизгладимое совершенно впечатление, что все хотят идти с нами, но не всем дано, а только некоторым. И поэтому это ощущение какой-то избранности, что ты не такой, как все. <...> И это я вру, конечно, что у меня только такие чувства были. Я просто кожей чувствовала гордость какую-то, когда мы проходили. Это витало, конечно, ощущение такой элитарности, избранности. Что мы особенные, что у нас отношения совершенно особенные — нигде таких больше нет³².

Эти чувства были обусловлены восприятием Коммуны как уже осуществившейся утопии, частицы будущего в настоящем. Один из участников коммунарского движения 1970-х так характеризует коммунаров: «...«прежние коммунары» (конца 50-х и начала 60-х) были уверены, что они опередили своим образом жизни современников (что они живут как бы в будущем)»³³.

Школьнику, впервые попавшему на коммунарский сбор, коммунары явно виделись достойными войти в будущее коммунистическое общество (см. илл. 9). Или, наоборот, гостями из легендарного прошлого. Одна из наших информанток смогла описать свое первое впечатление от коммунарского сбора именно через фигуру сопоставления с образом пионеров 1920-х: «...какое-то представление, образ пионерской организации, той, которая была там — в двадцатые годы. <...> Это было такое явление вот того, что я когда-то представляла. И это было по-настоящему. В наши дни. И отношения между людьми, и какие-то интересные персонажи»³⁴.

³² Интервью № 17 (ж., прим. 1949 г.р.).

³³ Соколов Р.В. Судьба коммунарства (<http://www.altruism.ru/sengine.cgi>). Отметим, что отношение к автору этой статьи, как и к статусу его свидетельств, в коммунарской среде весьма неоднозначное. Однако именно в этом конкретном случае у нас нет причин сомневаться в их правдивости.

³⁴ Интервью № 20 (ж., прим. 1947 г.р.).

Илл. 9. «Образ пионерской организации...
которая была в двадцатые годы...»

Такое восприятие как прошлого (1920-х годов), так и будущего (коммунизма) в качестве сакрального времени — одна из констант культуры 1960-х³⁵. Подобное деление времени на сакральное и профанное, по замечанию М. Элиаде, характерно для традиционных обществ. Однако оно существует и в некоторых современных сообществах³⁶. Настоящее (профанное) обретает смысл только в соотношении с прошлым (или с будущим)³⁷. Для коммунаров Коммуна как сообщество, воплотившее определенный образ жизни, одновременно является и возрожденным прошлым, и осуществившимся будущим.

³⁵ О значении прошлого и будущего как идеалов для молодежи в период «оттепели» см.: Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 279—326.

³⁶ Элиаде М. Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение) // Элиаде М. Космос и история / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1987. С. 43—92.

³⁷ По мнению К. Кларк, именно такое разделение времени на сакральное и профанное было характерно и для структуры советского романа: Кларк К. Советский роман: история как ритуал / Пер. с англ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 42—43.

Эта «двойная сакрализация» очень характерна именно для «оттепельной» культуры: 1920-е годы выступают для культуры 1960-х своего рода «незабываемым будущим». Другими словами, Коммуна как коллектив живет в сакральном времени. Когда коммунары находятся вне Коммуны, они снова попадают в профанное время, их цель — как можно скорее это время преодолеть, улучшить окружающий мир и по мере возможности приблизить его к коммунизму. Это сделать нетрудно, поскольку сам мир стремится к этому: «Это было ощущение какой-то причастности к общему делу. И — так как мы вместе работали, никто же не отлынивал — в этом действительно какая-то радость была»³⁸.

Коммуна, как и порожденное ею коммунарское движение, в своей идеологической составляющей выглядели как ультрасоветские явления. Однако, как уже показано, при практически полном совпадении идеологии и риторики практики коммунаров значительно отличались от социальных ритуалов советской школы и пионерской организации. Именно это совпадение внешних форм практик и целей коммунаров с официально декларируемыми целями советского общества и советской школы делало конфликт между ними не просто неизбежным, но еще и, с учетом «диглоссии», свойственной советскому обществу, крайне трудновербализуемым.

Руководители Коммуны стремились исправить «ошибки периода культа личности», вернуться к раннесоветским идеалам. В 1960-е годы диглоссия советского общества воспринималась некоторыми его гражданами как временный сбой — следствие «культа личности». Проблемы, связанные со спецификой функционирования публичного языка, были тогда озвучены в публичном пространстве — помимо уже названного рассказа А. Яшина «Рычаги», в СССР было издано еще несколько литературных, критических и публицистических текстов аналогичного содержания, хотя и не столь радикальных и жестких по формулировкам.

«Шестидесятники» рассматривали советскую диглоссию не как нормальное условие функционирования государственной системы, а как его нарушение, с которым нужно бороться и которое должно быть побеждено:

³⁸ Интервью № 7 (ж., прим. 1948 г.р.).

Ведь читали же Ленина, Карла Маркса <...>. Пытались нащупать что-то главное и важное. Нужно было просто очистить вот эту настоящую идею от шелухи, от этой всей гнусности. И поэтому огромное количество поэзии, огромное количество литературы, вот эта и была идеологическая составляющая. То был такой хороший социализм. <...> Тут не было никакого двойного стандарта. Абсолютно! Совершенно были подлинные идеи, ради которых стоило! Павка Корчагин, хорошие, добрые комиссары³⁹.

Сказать, что «шестидесятничество» охватило все население Советского Союза, было бы явным преувеличением. Однако на какое-то время общественный климат действительно изменился. К середине 1970-х системная диглоссия снова (и уже до конца советской эпохи) утвердилась в качестве одного из принципов функционирования советского общества.

Взросление в обществе диглоссии: о характере травмы

Сравнивая процессы взросления в культуре Самоа (то есть в традиционном обществе) и в американском обществе середины XX века, Маргарет Мид пишет о том, что трудности «переходного возраста» в современном ей американском обществе были связаны, в том числе, и с тем, что в нем слишком много разных и зачастую противоречащих друг другу ценностных систем. Американский подросток, в отличие от его сверстника в Самоа, вынужден выбирать между ними⁴⁰. Перед советским подростком такая проблема, казалось бы, не стояла: советское общество не предполагало свободы выбора образа жизни, политических и религиозных убеждений. Ниша для выбора существовала только вне рамок сферы предписанного. Такой выбор порицался и рассматривался, в рамках провозглашаемой системы ценностей, либо как асоциальный, либо как антисоциальный.

³⁹ Интервью № 10 (м., прим. 1949 г.р.).

⁴⁰ *Mead M. Coming of age in Samoa. A Mentor Book. N.Y., 1952. P. 136.*

Следуя логике М. Мид, процесс взросления должен был быть для обычного советского подростка менее травматичен, чем для его американского сверстника. Однако ситуация оказывается сложнее.

Роже Кайуа, размышляя о проблемах взросления европейских подростков, писал о том, что эти проблемы часто связаны со своего рода «зазором». «Зазор» возникает между теми правилами и нормами, которые ребенка учили соблюдать в детстве, и дальнейшей их корректировкой, когда подросток сталкивается с «большим миром»:

...как только ребенок выходит из семейной среды, <...> ему начинают давать <...> куда более гибкие [чем раньше] рекомендации. <...> «Не лги», — говорят ребенку, а затем начинают учить замалчивать истину, сперва ради приличия, затем ради корысти. <...> Существует сплошной и очевидный разрыв между первым воспитанием и дальнейшими поправками к нему. <...> Но все-таки при первом же столкновении с обществом подростку приходится пережить разочарование. Он знал, что ему предстоит бороться и что независимость влечет за собой трудности. Но он ожидал суровой точности честного боя. <...> А попадает он в гущу скрытых интриг, где торжествуют такие приемы, которые его учили ненавидеть⁴¹.

О травматичности такого «зазора» многие бывшие коммунары рассказывают в интервью:

...Совершенно не уверен, что вы поймете мои переживания. Четырех-, нет, третьеклассника. Меня, как мальчика, который хорошо учился, принимали в пионеры в третьем, а не в четвертом. Так вот, когда надо было вступать в пионеры, каждый ребенок <...> должен был приготовить торжественную клятву. Я не только должен был выучить ее. Я должен был изготовить некий документ — бумагу, раскрашенную знаменами, где надо было красивым почерком написать торжественное обещание и символику нарисовать. Я, к сожалению, всегда очень плохо

⁴¹ Кайуа Р. Дух сект // Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007 (Нация и культура / Научное наследие: Антропология). С. 252—290, особ. с. 274—275.

писал. В смысле грамотно, но очень некрасиво. Не то что некрасиво! Я не мог написать ровно в строчку! И совершенно не умел рисовать. Короче, я старался, рисовал — бог знает, сколько времени! — и нарисовал ужасную, конечно, картинку. Но я сделал все, что мог! А принимали нас не просто в школе, а в Музее Ленина. <...> Я помню, что я пришел с этим торжественным обещанием, я отдал это свое торжественное обещание. И пионервожатая посмотрела в ужасе на это, куда-то бросила и дала мне очень красиво нарисованное, неизвестно кем, и очень красиво написанное торжественное обещание. Вот, значит, с этим ты будешь. Я помню, вот ощущение третьеклассника... Я был в ужасе. Ну, плохо нарисовал!.. Я и сейчас уверен в этом, я должен был со своим обещанием вступать. Иначе — это черт знает что. Это все равно, что верующему человеку перекреститься предложить не на икону, а на... я не знаю. Так вот, я бы сказал, что какие-то вещи, по крайней мере, в нашей Коммуне сильно отличались от того, что мы видели в школе. И это было очень здорово⁴².

Зазор между системами ценностей, с которым сталкивается ребенок или подросток в любом современном обществе, в советском социуме был выражен намного резче, поскольку восприятие «диглоссии» как должного было необходимой частью социализации. Объединения и отряды, подобные Коммуне, подрывали этот порядок — как ни парадоксально, потому, что воспринимали официальные лозунги всерьез.

Коммунары (как и некоторые другие советские школьники, даже не состоявшие в объединениях, подобных Коммуне) считали себя идеологически адекватными. В то же время они не понимали или отвергали те принципы, по которым идеология соотносилась с повседневностью.

⁴² Интервью № 23 (м., 1955 г.р.). Конфликту аналогичного типа посвящен фильм Ю. Егорова 1963 года «Если ты прав». Героя фильма — электрика по специальности — оскорбляют клиенты, которые прозрачно намекают, что не оставят его в комнате одного, потому что он может что-нибудь украсть, а потом предлагают ему за отдельную плату установить дополнительный телефон, не фиксируя это в документах. После того как он отказывается, они пишут на него жалобу. Начальство относится к этой жалобе формально, то есть не желает разбираться, в чем было дело. Герою приходится менять место работы. Никто — включая любимую девушку — не понимает принципиальности героя. И дело не в том, что все вокруг формалисты и хамы, — просто такое функционирование общества кажется большинству его членов абсолютно нормальным.

Отсюда — один из частых мотивов постсоветской мемуарной прозы: ощущение лживости и фальши взрослого мира, подростковое разочарование в коммунизме и, соответственно, обвинение родителей во лжи. Это ощущение характерно не только для воспоминаний людей, которые, как наши информанты, выросли в 1960-е, но и для воспоминаний тех, кто вырос в 1970—1980-е. Так, Михаил Шишкин (р. 1961) пишет о той особой ситуации, в которой находились советские учителя: «Тогда, в школе, я, конечно, не осознавал, как тяжело было маме и всем нашим учителям: перед ними стояла задача без разрешения — учить говорить детей правду, вводя их в мир лжи. <...> Они нас учили лжи, в которую сами не верили, потому что любили и хотели спасти»⁴³. Ирина Лукьянова (р. 1969): «С родителями давно уже все расстроилось: я не пускала их в свою жизнь точно так же, как они не пускали меня в свою. <...> Я не могла простить им своего разочарования в коммунизме — почему они мне ничего не сказали, они ведь все понимали? Нет, тогда формулировалось так: почему взрослые врут? Зачем в моем детстве не отбирали у меня Зою Воскресенскую, которой я безо всякого принуждения зачитывалась? Почему сами держали под подушкой Аллилуеву, а мне не дали?»⁴⁴

Характерно, что И. Лукьянова упоминает детские книги З. Воскресенской, посвященные Ленину. В школьную программу по литературе, помимо классики русской литературы, входили — как литература современная — в основном произведения, следующие соцреалистическому канону: от М. Горького до А. Фадеева. Вполне вероятно, что эти произведения также могли усиливать тот «нормативный зазор», о котором пишет Р. Кайуа⁴⁵.

⁴³ Шишкин М. Пальто с хлястиком // Сноб. 2010. № 7/8. С. 149—154. Здесь цит. с. 150.

⁴⁴ Лукьянова И. Давно и неправда // Лукьянова И. Документ.dok: Романы. СПб.: Геликон плюс, 2004. С. 77—461. С. 191.

⁴⁵ См. статью, посвященную восприятию советскими школьниками романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия»: Маркасова Е.В. Роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия» в советской школе (1947—1958 гг.) и история инакомыслия в России // Учебный текст в советской школе / Сост. С.Г. Леонтьева, К.А. Маслинский. СПб.; М.: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. С. 48—77.

Борьбу с несправедливостью за пределами Коммуны коммунары воспринимали не только как личный долг, но и как свою прямую обязанность — собственно, правила Коммуны и вменяли именно такую позицию:

Коммунарское поведение — это не просто человек сам должен был коммунаром быть. Он должен был жизнь вокруг себя преобразовывать. Должен был сделать такой же жизнь своего класса, в идеале — своей школы. Коммунар должен был обязательно вести себя иначе, чем все остальные⁴⁶.

Попробуем разобраться с тем, как проявлялась «конфликтность» коммунаров, в чем конкретно выражалось их противостояние окружающему миру, другими словами — с кем и по поводу чего они вступали в конфликт.

Пионерский галстук

Вступая в конфликт с одноклассниками, учителями и пионервожатыми, коммунары осознавали себя настоящими пионерами, которые действительно следуют данной ими пионерской клятве и пионерским законам. Это ощущение поддерживали и разделяли руководители таких объединений. В романе В. Крапивина «Мальчик со шпагой» (1972—1974) описан пионерский отряд «Эспада» (от исп. *espada* — шпага), прообразом которого стал организованный Крапивиным детский клуб «Каравелла», действующий в Екатеринбурге до сих пор. По многим параметрам описанный Крапивиным отряд, противостоящий «мещанству» в окружающей жизни, напоминает реальное движение коммунаров. Его руководитель высказывает мысль, которой, судя по интервью, придерживались и руководители коммунарского движения:

Олег не терпел, если кто-то появлялся без пионерского галстука. У нас на дверях написано «Пионерский клуб», — доказывал Олег. —

⁴⁶ Интервью № 18 (ж., прим. 1945 г.р.).

Мы частичка пионерской организации. Если есть такие, кто забывает или стесняется надевать галстук, пусть лучше заявит, что выходит из организации. Это будет, по крайней мере, честно. Свинство, когда человек считается пионером, а галстук прячет в карман⁴⁷.

Зафиксированная в романе Крапивина дилемма между «мещанским» и «настоящим» отношением к пионерскому галстуку подтверждается и в интервью наших информантов: «...мы ходили в пионерских галстуках. Все тогда ходили, но мы носили его с гордостью. Другие стеснялись — вышел из школы, сунул галстук в портфель — а мы носили с гордостью»⁴⁸.

Для коммунаров пионерский галстук был не просто символом пионерской организации, но и символом Коммуны: «Галстук [я] носила до 11 класса. Я такая здоровая была. Мальчишки, значит, пристали. Я тогда, видимо, крепче объясняла. Тогда мне было все понятно. Я им спокойно рассказала про Коммуну. Сказали: ну, давай, ладно, носи. Мальчишки не из моего класса»⁴⁹.

Именно через отношение к пионерскому знамени (илл. 10) и пионерскому галстуку коммунары объясняют свое отличие от обычных пионеров, а Коммуны — от обычного пионерского отряда или дружины: «Мы в школе все были, где все было другое. Видно было, что все по-другому. Другой тип отношений, да? В том числе, и в пионерской организации. Никто не ценит знамя, галстук. А вот мы ценим»⁵⁰.

Ношение коммунарами пионерского галстука за пределами школы время от времени становилось источником конфликтов:

⁴⁷ Цит. по изд.: *Крапивин В.* Мальчик со шпагой. М.: Центрполиграф, 2002. С. 97.

⁴⁸ Интервью № 19 (ж., прим. 1947 г.р.).

⁴⁹ Интервью № 20 (ж., прим. 1947 г.р.). «Я поздно поняла все, очень поздно, если учитывать, что я вышла замуж в 26 лет. Я ходила в пионерском галстуке до 26 лет. <...> На всех сборах я одевала пионерский галстук. Да. А Катюша М., про которую я вам рассказывала — подруга в Москве, у меня карточка есть — в шестьдесят третьем году она выходила замуж в Москве. И мы — пятнадцать человек — поехали к ней на регистрацию. И пятнадцать человек встали в загс в пионерских галстуках, представляешь? Вот такая ситуация. И ей подарили галстук с нашими фамилиями, у нее до сих пор он лежит» (см. илл. 11. — *Д.Д.*). Интервью № 22 (ж., прим. 1947 г.р.).

⁵⁰ Интервью № 13 (м., 1947 г.р.).

Илл. 10. Коммунары перед портретом М.В. Фрунзе

Илл. 11. Коммунарская свадьба в Москве в 1963 г.

Мы никогда не стеснялись, что взрослый парень шестнадцати лет шел в галстук, уже в комсомольском возрасте. Переулок (где жил информант. — Д.Д.) довольно известный такой шпанский переулок — «по переулку Ильича не ходи без кирпича». И такого не могло быть, чтобы я шел и снял галстук. Могли быть конфликты, мог быть какой-то мордобой на улице — ты носил галстук, и за это надо было платить. Но это было высшей доблестью, да?⁵¹

Как видно из этого фрагмента, красный галстук за пределами школы в пространстве улицы мог восприниматься как вызов окружающим, своего рода знак неконформизма, чреватого вполне конкретными неприятностями.

Заметим, что ношение пионерского галстука за пределами школы воспринималось как что-то необычное не только дворовыми компаниями:

— А вообще вы свою особость ощущали?

— Ну, конечно! Людмила Глебовна <Кузнецова, одна из организаторов Коммуны> всегда говорила: будем дразнить гусей. Мы одевали пилочки, галстуки, коммунарский значок, пионерскую форму и так шествовали по Невскому. Или могли так прийти в театр толпой⁵².

И руководители Коммуны, и коммунары понимали, что пионерский галстук за пределами школы будет воспринят именно так. Пионерский галстук в этой ситуации был знаком, функцией которого было не только обозначить принадлежность к определенному сообществу, но и вызвать соответствующую реакцию у «мещан». Именно по этим причинам коммунары продолжали носить пионерский галстук, уже будучи взрослыми: «Я помню, что очень гордилась — слава богу, уже в девичьем возрасте была, уже мамой была — с пионерским галстуком на сбор ехала, с ребятами в пионерском галстуке. Мне очень нравилось, что я иду, на меня показывают пальцем»⁵³.

⁵¹ Интервью № 10 (м., прим. 1949 г.р.).

⁵² Интервью № 18 (ж., прим. 1945 г.р.).

⁵³ Интервью № 11 (ж., прим. 1948 г.р.).

Заметим, что пионерский галстук закрепился в качестве знака коммунарского движения. В 1980-е годы на коммунарских сборах его носили уже и взрослые и дети.

Пример с пионерским галстуком наглядно демонстрирует, что публичное поведение членов Коммуны и коммунаров воспринималось большинством их окружения как своего рода вызов.

Коммунары и школьные учителя: к генезису конфликта

Помимо конфликтов со «шпаной», у коммунаров и членов Коммуны были конфликты и с учителями:

Конфликтовали направо и налево. И в школе конфликтовали, и с учителями, поскольку научились говорить свободно со взрослыми. Можно было встать и заявить, что вы говорите неправду, вы говорите не так. <...> Учителя врут направо и налево и ведут себя часто очень непорядочно по отношению к детям. А ты, никогда не задумываясь, сразу мог влепить директору такое при всех! <...> Потом, конечно, были репрессии. Они же все люди и часто довольно мелкие, обидчивые. Но Коммуна приучила. Мы, конечно, все были очень конфликтные⁵⁴.

Своих учителей коммунары сравнивали с руководителями Коммуны или друзьями отряда так же, как чуть позже, когда они сами стали пионервожатыми, дети сравнивали уже их со своими школьными учителями: «Мы были как кость в горле! Наши дети лжи не прощали. Они хотели, чтобы к ним также относились, как мы относились. <...> Мы потом поняли, мы тоже были не всегда правы»⁵⁵.

В этом фрагменте содержатся две любопытные детали. Во-первых, руководители Коммуны и друзья отряда сравниваются не с пионервожатыми (с которыми они должны были бы соотноситься по советской

⁵⁴ Интервью № 10 (м., прим. 1949 г.р.).

⁵⁵ Интервью № 7 (ж., прим. 1948 г.р.).

табели о рангах), а со школьными учителями. Во-вторых, ни в этом, ни в других интервью информанты не упоминают о каких-либо конфликтах с пионервожатыми, а рассказы о конфликтах со школьными учителями — один из самых устойчивых элементов интервью с коммунарами.

Советская педагогическая система в 1960—1970-е годы функционировала как единая группа воспитательных институций. Все составляющие этой группы (школа, пионерская организация, кружки) были тесно взаимосвязаны, но за школой и учителями был, безусловно, решающий голос, поскольку именно учеба в 1960-е годы представлялась и учителям, и родителям, и пионервожатым главным делом советского ребенка.

Успехи в школе могли отразиться (и часто отражались) и на вне-школьной жизни пионера. Учителя зачастую стремились контролировать и эту сферу жизни учеников. О неуспеваемости ребенка руководителю кружка в Доме пионеров мог сообщить любой школьный учитель, попросив не принимать ученика (или на время отстранить его от занятий), пока он не исправит свое поведение или оценки. Обычно руководители кружков удовлетворяли такие просьбы.

Рассказы об этой практике встречаются в воспоминаниях о 1960-х годах. Так, Михаил Черейский (р. 1946) пишет о том, как он решил научиться гребле. Тренер «...записал фамилию, велел взять справку об успеваемости из школы <...> и явиться в спортивной форме в пятницу к четырем часам»⁵⁶.

Напомню, что подобная ситуация подразумевается как неизбежная в одном из эпизодов фильма Станислава Ростоцкого «Доживем до понедельника» (1969). К учителю истории приходит мать двоечника и просит поставить ее сыну тройку. Поскольку она делает это не в первый раз, а успехи сына по истории по-прежнему оставляют желать лучшего, учитель отказывается. Разгневанная мать дает сыну подзатыльник. Молодая учительница английского языка (случайная свидетельница этой сцены) заступается за мальчика. Тогда мать, чуть не плача, приводит последний аргумент: «Стало быть, как же, Илья Семенович? Нам ведь никак нельзя оставаться с единицей, я уже вам говорила... Ну, выгонят

⁵⁶ Черейский М. Дракон с гарниром, двоечник-отличник и другие истории про маменькиного сынка. М.: Астрель; CORPUS, 2012. С. 185.

его из Дома пионеров, из ансамбля этого... И куда он пойдет? Вот вы сами подумайте... Обратно во двор? Хулиганить?»⁵⁷

Учитель истории явно не собирается жаловаться на ученика во Дворец пионеров. Соответственно, мы можем предложить, что руководитель ансамбля — либо по собственной инициативе, либо по распоряжению начальства — сам проверяет школьные дневники своих подопечных.

В случае Коммуны ситуация была иной. Учителя не могли повлиять на то, станет их ученик членом КЮФ или похожего объединения или не станет. Этому было множество причин: и позиция взрослых коммунаров — некоторые из них были настроены на решительные реформы пионерской организации, — и поддержка комсомольских организаций, которая таким объединениям поначалу оказывалась, и отсутствие необходимых рычагов давления: для многих руководителей эти клубы и отряды были формой общественной деятельности, а не основным местом работы. Другими словами, Коммуна выпадала из-под власти школы и ее представителей.

Таким образом, помимо общего противостояния, связанного с диалогией советского общества, Коммуна как организация вступала в противостояние профессиональное. Причем — из-за специфики устройства советской воспитательной и образовательной системы — в профессиональное противостояние не с пионервожатыми или руководителями кружков, а в первую очередь со школьными учителями.

Коммунары считали себя призванными изменить жизнь пионерской организации, но пионерская организация была частью школы. Члены Коммуны и коммунары меняли жизнь своего отряда, то есть школьного класса, вмешиваясь таким образом в компетенцию не столько пионервожатого, сколько учителя. В этом смысле показательным, что творчество В. Крапивина, одной из ключевых тем которого в 1960—1970-е годы были внешкольные объединения детей пионерского возраста, вызывало самое большое возмущение именно у учителей и других работников сферы образования. Именно поэтому его произведения периодически подвергались резкой критике в печати.

⁵⁷ Доживем до понедельника. Художественный фильм. Реж. С. Ростоцкий. 1968.

Конфликты с родителями: «забота» vs. «мещанство»

Опыт жизни на летних сборах изменял отношение коммунаров к быту, в частности к той его стороне, которая была связана с едой и гигиеной. Именно приобретенные в лагерях и на сборах нормы и ценности часто служили источником конфликтов с родителями.

Коммунары воспринимали повседневные трудности как необходимое испытание, через которое надо пройти. Именно такой жизнью должен был жить коммунар. Пренебрегая бытом, подростки из КЮФ парадоксальным образом наполняли повседневность смыслом, делали привычное осознанным.

Для большинства родителей коммунаров, переживших 1930—1940-е годы, стремление все, что можно, отдавать своим детям было главной моральной установкой, а часто составляло основной смысл жизни. Приобретение дефицитных товаров для детей, как пишет К. Келли, «...было связано для родителей с постоянной и упорной борьбой. Эта борьба в крайнем своем проявлении принимала гиперболизированную форму, вследствие социальной беспомощности родителей и необходимости контролировать хоть какую-то область существования, чтобы компенсировать отсутствие контроля над большей частью жизни»⁵⁸. Эти проявления заботы со стороны родителей дети начинали оценивать как «мещанство», что, естественно, не могло не приводить к непониманию и конфликтам. Такое отношение взрослые, в свою очередь, не могли воспринять иначе как черную неблагодарность, потому что приобретение самых обычных продуктов питания в СССР в начале 1960-х часто требовало многочасового стояния в очередях после полноценного рабочего дня.

Напутствия родителей, провожающих детей в лагерь, воспринимались коммунарами с удивлением — они полагали, что родители демонстрировали полное непонимание «настоящей жизни»: «— Таня, не работай слишком много, береги себя! (Разве вспомнишь это, когда

⁵⁸ Келли К. Роскошь или первая необходимость? Продажа и покупка товаров для детей в России в постсталинскую эпоху / Пер. с англ. Е. Напресенко // Теория моды. 2008. № 8. С. 141—185, цит. с. 168.

в 100 метрах от лагеря горит поле от сорняков?)»⁵⁹ После опыта жизни, полученного на летнем сборе, дети начинали относиться к родителям и их напутствиям в лучшем случае снисходительно. Родители руководствовались повседневной логикой, но эта логика не работала в Коммуне: дети не просто уезжали из Ленинграда в летний трудовой лагерь, они переносились в другое время и пространство, где их жизнь была яркой, труд — необходимым, а «сырая» вода родителей становилась «родниковой» для детей: «— Вовка, не пей сырой воды! (А вы пробовали родниковую в день, когда готовы расплавиться палатки?)»⁶⁰

Родители, выключенные из этой «реальности утопии», не разделяли такого отношения к бытовым условиям: «...это вечные уходы на все лето. Это вечно девочка возвращается в цыпках, простуженная. Это мокрые ноги. В то время как родители снимают дачу где-нибудь в Петергофе, <...> она едет к комарам, в грязь, в простуды. Они же взрослые люди, понимают — девочка-подросток, не дай бог, простудится, заболеет. У нее там материнство, все на свете, то есть там свои действуют соображения, а тут эти вечные поиски экстремальной ситуации»⁶¹.

Естественно, что возникавшие то и дело эпизоды не(до)понимания довольно часто приводили к семейным конфликтам: «Когда я приезжал из Ефимии, теряя там, я не знаю, по десять—пятнадцать килограмм, совершенно худой, заросший и грязный, родители встречали меня просто с ужасом»⁶². Особенно острыми конфликты становились в том случае, если родители обнаруживали, каковы на самом деле были бытовые условия коммунарских сборов. Один из информантов вспоминает, как его друг писал домой письма, в которых описывал несуществующие «удобства» их лагеря: «...что у нас там душ и мы спим на кроватях, писал, в общем, совершенную лабуду»⁶³.

Однако конфликты с родителями не исчерпывались их недовольством бытовыми условиями, которые были неотъемлемой частью коммунарских сборов. Дети, вернувшиеся с летнего сбора, по-новому реа-

⁵⁹ Казакина М.Г. Указ. соч. Приложение. С. 20.

⁶⁰ Там же. С. 19.

⁶¹ Интервью № 10 (м., 1949 г.р.).

⁶² Интервью № 15 (м., прим. 1947 г.р.).

⁶³ Интервью № 13 (м., 1947 г.р.).

гировали на элементы повседневности, которых раньше могли просто не замечать:

Помню как Н. — как мы ей все тогда сочувствовали, что у нее такая мама — глупая мешанка! Потому что она жаловалась — а у нее такие глаза огромные, слезы капаят — что мама пришла вчера из магазина и селедку купила! Спинку! И слезы капаят... да! Бедная Н.! Какая у нее мать бездуховная, только о еде и думает! Не понять им нашего вот этого. А у нас горящие сердца, все дела творчески — иначе зачем, и жить для людей! А здесь, вместо того, чтобы!.. Хотя селедку тоже для нее, для дуры, покупала, с толстой жирной спинкой⁶⁴.

Заботы и эмоции, связанные с таким ничтожным предметом, как еда, вызывают возмущение. Стремление к «комфортной» жизни (в том числе и к «дефицитной» еде, которую надо «доставать», то есть тратить силы и время) начинает восприниматься как отказ от активного, жертвенного строительства «нового общества», к которому ребенок впервые приобщился на летнем коммунарском сборе.

Заключение

Коммунары выпадали из ситуации диглоссии, поскольку они не видели разницы между сферой сакрального (официальных лозунгов и языка) и повседневного, отказывались понимать, что две эти сферы в СССР должны были существовать по разным законам. В этом они принципиально отличались от диссидентов, лозунг которых «Соблюдайте вашу конституцию!»⁶⁵ подразумевал двойственную позицию по отношению к ситуации диглоссии. Диссиденты понимали, что существует разрыв между идеологией и повседневными практиками и что язык советской идеологии не был рассчитан на использование в повседневной жизни. Поэтому они избрали стратегию остранения и проблематизации этой ситуации, пытаясь использовать специфику ее устройства как оружие в своей борьбе против власти.

⁶⁴ Интервью № 17 (ж., прим. 1949 г.р.).

⁶⁵ Автором этого лозунга был А.С. Есенин-Вольпин.

Коммунары как члены утопического сообщества действовали в рамках совершенно иной поведенческой модели. Если вернуться к метафоре диглоссии, то они оперировали исключительно «высоким» языком не только в церемониальной или сакральной сфере, но и в повседневности. Другого языка, предназначенного для быта, для них не существовало. То, что именно в его рамках действует большинство людей, воспринималось ими как временное отклонение, которое можно исправить и с которым следовало бороться.

В своей книге «60-е. Мир советского человека» П. Вайль и А. Генис писали о том, что третья Программа КПСС была прочитана советскими людьми как проповедь, «которой достаточно внимать»⁶⁶. Чтобы лучше оттенить свою мысль, эти авторы сравнили проповедь с другим, сугубо приземленным и практическим жанром — инструкцией, «которую должно выполнять»⁶⁷. Это различие дает довольно точное описание ситуации диглоссии на уровне поведенческой модели. Пользуясь метафорами Вайля и Гениса, мы можем сказать, что коммунары относились к официальным советским лозунгам именно как к инструкции, которой нужно следовать в повседневной жизни. Конечно, это была особого рода инструкция (подобную роль для протестантов играла Библия), но тем не менее советские этические «директивы» они воспринимали именно как непосредственное руководство к действию.

Коммуна вырабатывала у коммунаров особую манеру поведения. Они чувствовали за собой моральное превосходство и потому не боялись ни учителей, ни пионервожатых, ни школьного начальства, которому было чрезвычайно трудно к ним придаться, поскольку идеологически, на уровне официального дискурса их действия были абсолютно правомерны.

Конфликт коммунаров и окружающего их мира был конфликтом разных моделей существования — утопической и «повседневной». Комсомольское руководство уже к середине 1960-х годов начало «придавливать» коммунарское движение, а к середине 1970-х оно и вовсе оказалось под негласным запретом. В конечном счете коммунары, как и диссиденты, делали диглоссию советского общества очевидной, тем самым подрывая ее.

⁶⁶ Цит. по изд.: Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 12.

⁶⁷ Там же.